

Странное заимствование: «гишпанские королевичи» в русской литературе конца XVII – первой половины XVIII вв.

© 2022, И.В. Ершова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Российская государственная академия народного хозяйства
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия

Аннотация: Настоящая статья посвящена истории русской рукописной книги конца XVII – первой половины XVIII вв., варианту европейской «народной книги», удовлетворявшей интерес массового читателя к беллетристике, к светским и развлекательным историям любовно-авантюрного характера. Часть этого корпуса — русские переводные повести, в частности, те из них, которые условно могут быть обозначены как «гиштории об гишпанских королевичах». Необычность систематического использования этого обозначения в заглавии текстов связана с почти полным отсутствием в эту эпоху сведений об испанской литературе, знания испанского языка и обширных контактов с Испанией. Анализ «Повести о Бруне», «Гистории о Декоронии», «Гистории о Долторне» и ряда других текстов позволил высказать гипотезу рождения в русской литературе этого необычного присвоения испанского.

Ключевые слова: рукописная книга, русская переводная литература конца XVII – первой половины XVIII вв., любовно-авантюрная повесть, история перевода.

Информация об авторе: Ирина Викторовна Ершова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; заведующая Лабораторией историко-литературных исследований, Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская государственная академия народного хозяйства при Президенте Российской Федерации пр. Вернадского, д. 82, 119571 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7319-2945>

E-mail: i.v.ershova@list.ru

Для цитирования: Ершова И.В. Странное заимствование: «гишпанские королевичи» в русской литературе конца XVII – первой половине XVIII вв. // Литературный факт. 2022. № 4 (26). С. 123–139. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-26-123-139>

Предлагаемое исследование посвящено одному довольно интересному и до сих пор недостаточно истолкованному феномену русской литературы конца XVII – первой половины XVIII вв. Речь пойдет о том явлении, которое в европейских литературах именуется «народными книгами», хотя под одним и тем же наименованием в разных традициях понимаются не совсем тождественные вещи.

Европейские «народные книги» — это огромный корпус анонимных литературных произведений, который создается, пишется и распространяется с расчетом на широкого массового и чаще низового читателя, что не отрицает увлечения таким чтением и интеллектуальной элиты. В Испании это во многом связано с таким феноменом как «literatura de cordel», во Франции — это, в частности, книжицы «Bibliothèque bleue» (littérature de colportage), хотя в этой серии печатались и авторские тексты; в Германии — Volksbuch (народные книги). Практически везде речь идет о печатной продукции невысокого качества, которая выходила огромными тиражами.

В России этот феномен тоже был, хотя его бытование имеет свою специфику. Книгопечатание на Руси в XVI–XVII вв. — это прежде всего государственная монополия, а потому обеспечить растущий интерес к беллетристике, к светским и развлекательным историям любовно-авантюрного характера (а именно о них идет речь) печатными изданиями, пусть и дешевыми, было невозможно. Лубочная книга, т. е. ярморочная дешевая книжица (или отдельный листок) с картинкой — это явление особого рода, к тому же время расцвета лубка придет позднее¹. В XVI – первой половине XVIII в. эту страсть к чтению увлекательных историй удовлетворяла т.н. *рукописная книга* (книги из свернутых вдвое листов обычно размера in quarto, написанные скорописью). Именно так выглядели переводные повести Петровской эпохи (так условно называют эпоху конца XVII – первой четверти XVIII в.). Вот как описывал русский ученый и библиограф А.Н. Пыпин бытование рукописных книг:

Если неизвестно, кто были эти усердные переводчики, то трудно также с точностью указать, какой был круг читателей этой рукописной литературы. Единственным почти свидетельством остались записи о принадлежности рукописей. Судя по ним, эта публика была очень разнообразна. «Гисторию» списывались людьми

¹ Лубочная картинка, то есть изображение, сопровождаемое текстом, стала популярной со второй половины XVIII в. Это отдельное явление, хотя часть сюжетов народной литературы вошла в лубочный репертуар, в частности, «Повесть о Бове Королевиче».

всяких сословій; рукописи принадлежали людям по-тогдашнему образованным — гвардейским и армейским офицерам, мелким военным чинам (какие проходили тогда и дворяне), чиновникам (между прочим иностранной коллегии), затѣм купцам, посадским людям, наконец крестьянам; книги переходили из рукъ въ руки, что и записывалось внутри переплетовъ, иногда съ выраженіемъ впечатлѣній отъ «зѣло полезнаго» или умилительнаго чтенія и съ заклятіями противъ покражи [11, с. V–VI].

Сама русская переводная повесть возникает гораздо раньше, с конца XV в., хотя материал рыцарских романов входит в русскую прозу позже, с середины XVII в. Из переводных произведений любовного-рыцарского и приключенческого характера наиболее известны следующие: «Повесть о Бове-королевиче»², «Повесть о Петре Златых Ключей» (русское название известного провансальского романа «*Pierre de Provence et la belle Maguelonne*» [1453]³), «Повесть о Еруслане Лазаревиче», «Повесть о Брунцвике». Повести эти переводились с разных языков, иногда напрямую с языка оригинала, иногда через страны и языки-посредники. Например, «Повесть о Петре Златых Ключей» — с французского и греческого, чешская «Повесть о Брунцвике» — с немецкого (см.: [6]). Специалистам по европейской рыцарской литературе может показаться странным лишь одно — это полное отсутствие в русском беллетристическом репертуаре сюжетов испанских рыцарских романов.

Однако ничего удивительного в этом нет. Испанского языка почти никто не знал, даже в посольском приказе, а редкие испанские книги духовного содержания переводились, как правило, с латинского языка через польское посредство. Среди любовно-авантюрных повестей рубежа XVI–XVII вв. нет ни одного сюжета, взятого из Испании. Испанский рыцарский роман эпохи Возрождения не переводился и не перерабатывался в России, да и на Западе к концу XVII в. его популярность отходит на задний план, уступая место интересу к плутовскому роману и «Дон Кихоту». Надо заметить, что испанские романы типа «Амадиса Гальского», «Пальмерина Оливского», «Эспландиана Греческого» и др. при всей их популярности в XVI в. не особенно вошли в европейскую низовую литературу и народные

² Сюжет повести восходит к французским сказаниям о подвигах рыцаря Бово д'Антоня. Русские версии восходят к итальянскому изданию книги о Бово д'Антоня (*Bovo d'Antona*), который стал известен через посредство сербохорватского и белорусского переводов.

³ В большинстве европейских переводов и в популярных обработках получил название «Прекрасная Магелона», как например, в Испании и Германии.

книги. Романы Амадисова цикла, переведенные в XVI в. почти на все европейские языки, переводились, дописывались, давали сюжеты драматургии, опере, поэзии, но почти никогда не адаптировались к собственным литературным нуждам, хотя и несомненно повлияли на развитие европейской повествовательной прозы. По-видимому, причиной этого послужил их колоссальный объем (народные книги по большей части представляли собой краткую повествовательную форму), а также сюжетообразующий принцип циклизации и появление «Дон Кихота», поставившего точку в истории их создания. На Руси они и вовсе не были в ходу, а редкие упоминания о них (А. Радищев) относятся уже ближе к концу XVIII в.

Вместе с тем на Руси в какой-то момент среди привычных переводных повестей о заморских королевичах и королевнах (французских, английских, чешских, шляхетских и др.) появляются «гиштории об гишпанских королевичах», не имеющие прямых связей с испанскими сюжетами. Наиболее известные библиографические указатели XIX в. В.С. Сопикова, А.И. Соболевского, А.Н. Пыпина дают следующую картину: отсутствие указаний на наличие переводов с испанского (его на рубеже XVII–XVIII вв. в России мало кто знает); отсутствие указаний на польского, немецкого или какого-либо иного посредника в передаче именно испанских сюжетов; нет очевидных сюжетных совпадений или иных прямых текстуальных отсылок к испанским (или португальским, что почти синонимично в данном случае) романам. Более того, в каталогах Петербургской академической книжной лавки нет ни одного наименования книги на испанском (1731) [5, с. 60].

Если почти во всех остальных случаях топонимические указания при имени главного героя имеют хоть какое-то логическое объяснение, то в случае с Испанией и ее королевичами и принцессами нет. При этом речь идет не об одном тексте, а о целой серии текстов, появившихся как в виде рукописных книг, так впоследствии и напечатанных (печатный текст не всегда был точной копией рукописного). Вот перечень некоторых из них (каждый, видимо, существовал в нескольких списках и вариантах):

- «Повесть об **испанском королевиче** Бруне и его супруге Мелеонии» (конец XVII в.);
- «Гистория о **гишпанском королевиче** Декоронии» (первая половина XVIII в.);
- «Гистория о **гишпанском шляхтиче** Долторне» (первая треть XVIII в.);

- «Гистория о храбром **гишпанском рыцаре** Венциане» (печатано 1729 г.);
- «Повесть о **гишпанском дворянине** Карле и сестре его Софии» (первая половина XVIII в.) — 1 рукопись;
- «История о **португальской королевне** Анне и о **гишпанском королевиче** Александре» (сер. XVIII в.);
- «История о Евдоне, **короле гишпанском** и о прекрасной королеве Берфе Неополитанской, и о разбойнике Борбозце» (пер. с французского);
- «Истории о **гишпанскомъ королевиче** Франце и Мелзелеусе и о прекрасной королевне Раксане»;
- «Гистория о Алфонзе Рамире, **короле гишпанском**, и прекрасной Ангелике, пренцесе лонгобрадской, именуемая Неистовый Ролянд» (сер. XVIII в.);
- «Гистория о **гишпанском королевиче** Мартинаксе и о талианской королевне Авиасанке» (на л. 61–78 об., сборник 1756 г.).

Следует обратить внимание на то, что испанская принадлежность действующих лиц носит лишь топографический характер, тогда как имена героев чаще всего ни имеют ничего общего с испанскими именами (за исключением предпоследнего романа в списке, но его источник очевиден и к Испании отношения не имеет). На первый взгляд, в самом указании на испанское происхождение героев казалось бы нет ничего необычного. Пространственный космополитизм рыцарских романов, в том числе и испанских, широко известен. Герои из разных стран путешествуют по самым разным уголкам мира и Европы, а если какие-то устойчивые локусы и существуют, то они связаны либо с рыцарской мифологией бретонского цикла, либо с местами, обладающими общей сакральной символикой для всех европейцев — это, в первую очередь, Константинополь (важнейшая точка устремлений всех рыцарей испанских ренессансных романов или авантюрных византийских романов) или турецкий или африканский берег, куда героев захватывают в плен (главные места обитания неверных). И все же неизвестно откуда взявшаяся привязка к Испании героев русских любовно-авантюрных повестей носит уж слишком системный характер, чтобы объяснять это одной лишь экзотикой, а именно такое объяснение можно изредка встретить в научной литературе (чаще всего не дается никаких объяснений).

Чуть ли не единственным объяснением другого рода оказывается замечание авторов публикации рукописи «Истории о португальской

королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре» (предисловие Ю.М. Лотмана, публикация источника Л.А. Дмитриева). Лотман замечает: «В этом смысле особое удобство представляло перенесение действия в Испанию и Португалию — страны, связанные для читателя середины XVIII в. одновременно и с традицией плутовского, и с рыцарским романом» [3, с. 497]. Для середины XVIII в., времени датировки памятника, такое объяснение звучит если не абсолютно убедительно, то вполне возможно (уже в 1769 г. появится первый перевод «Дон Кихота»). Кроме того, в самой истории королевны Анны Ю.М. Лотман находит элементы плутовства, что и становится основным поводом к такому объяснению, правда, все тексты, продолжающие традицию испанской «прописки», упомянутые Лотманом, датируются второй половиной XVIII в. Таким образом, вопрос остается: почему, начиная с конца XVII – начала XVIII в., вдруг появляется и становится очень частым заглавие, включающее сочетание «гиштория/повесть о гишпанском королевиче». Количество текстов с этим указанием не позволяет считать это случайностью.

Обратимся к самим этим «гишториям». Хронологически первой из известных нам является «Повесть об испанском королевиче Бруне и его супруге Мелеонии» (к. XVII в.). Издатель этой рукописной книги В.Ф. Покровская [9, с. 176–198] идентифицирует ее с романом о Петре Прованском и прекрасной Магелоне (одним из самых популярных романов серии «Голубая библиотека», попавшем в Россию через польское посредство [1]), чрезвычайно популярным на Руси, но в данном случае очень сильно переработанным, что позволило В.Ф. Покровской предположить, что повесть о Бруне возможно является переложением не французско-польской версии, а греческой (там она называлась «История об Империиосе и Маргароне», кроме того в некоторых рукописях Империиос звучал как Ибериос); предположение это остается на сегодняшний день не проверенным.

Напомним кратко сюжет русской «Магелоны», т. е. «Повести о Петре Златых Ключей»: Петр Прованский отправляется путешествовать и попадает ко двору Неаполитанского короля, где влюбляется в его дочь, прекрасную Магилену. Петр дарит ей три наследственных перстня и уговаривает бежать с ним в его отечество. Перстни во время сна Магилены ворует ворон и роняет их в море. Петр, виноватый в этом, пытаясь догнать птицу, попадает в бурю и оказывается захвачен в плен турецким султаном. Магилена, побывав в Риме, прибывает в Прованс, где устраивает монастырь и часовню св. Петра и Павла, куда однажды родители

Петра приносят найденные во чреве рыбы перстни. Попадает туда и Петр, заболевший во время возвращения со службы султану. История заканчивается взаимным узнаванием и браком влюбленных.

По сравнению с популярной переводной повестью о Петре Златых Ключей в «Повести о Бруне» изменилось очень многое — изменились имена, многократно усилилась назидательная функция (правда надо отметить, что назидательный пафос в этой легенде присутствовал изначально), усилился житийный компонент, возросший акцент на благочестии героев изменил мотивировки и обстоятельства событий. Все это подробно отмечено В.Ф. Покровской, указывающей на многие приметы житийного жанра в тексте «Повести о Бруне»: ее заглавие, выполненное по житийному образцу, прагматические аспекты текста, высокая степень морализаторства. Один из ярких примеров смещения акцентов в повести показывает, например, эпизод с утратой фамильного перстня: он украден вороном из-за желания Бруны рассмотреть мешочек с перстнем, а отнюдь не из желания увидеть грудь спящей возлюбленной [10, с. 177]. Королевич Бруна отличается не рыцарскими подвигами, а прежде всего знаниями и мудростью, прекрасная Мелеония — не влюбленностью и желанием любовных игр, а разумностью и многомудрием. Когда Мелеония просит Бруна открыть свое происхождение, ибо не может позорить отца и мать, юноша открывает ей, что он сын испанского короля, таким словами: «сын есмь славнаго ишпанскаго краля Бруны, ему же тезоименный, желаю в мудрых поступках себе водити по совещанию присных ми, внеже в неискустве богатством кипети, по писанному: мудрость очи просвети, а сребро разум помрачи» [10, с. 190].

Рыцарские, как и куртуазные, доблести героя в повести отчетливо редуцированы, а разумность и благочестие расширены. По сравнению с провансальским оригиналом и многочисленными старорусскими версиями «Повести о Петре Златых Ключей» в повести довольно много сюжетных изменений:

- добавлен мотив вымоленного у Бога сына;
- воспитатель, введенный в рассказ вместо кормилицы-служанки, следит скорее за нравственностью своей подопечной, нежели выступает в роли традиционного помощника (как и служанка во всех переводах и переделках «Прекрасной Магелоны»);
- служба Бруны венецианскому князю представлена как «подвиг смирения»;

- уходит вся турнирная жизнь героя под вымышленным именем;
- уходит весь эпизод с соперником;
- история заканчивается счастливым воцарением героев на троне Испании.

Место действия в рукописной повести о Бруне — Испания и Венеция — абсолютно условно и никакой роли в рассказе не играет, в отличие от истории о Петре Златых Ключей, где топоним при имени героя был весьма значим, а соответственно, из повести уходит главное — вся этиология легенды о Магелоне, основавшей церковь Св. Петра Прованского. Мелеония, правда, явившись переодетой нищенкой в Испанию, основывает странноприимный дом, но церковь св. Петра (или св. Петра и Павла в русской версии) исчезает. Трудно сказать, насколько была популярна история Петра и Магелоны, преобразившаяся под влиянием житийного канона; можно предположить, что в этом варианте она не очень прижилась на русской почве (известен только один список)⁴, а вот «испанские королевичи» остались надолго.

С чем же связано появление этой «испанскости»? Знакомство с испанским рыцарским романом в это время было достаточно опосредованным (нам не удалось найти ни одного точного упоминания героев типа Амадиса), что безусловно не отрицает осведомленности читающей русской публики об этих романах, в том числе и благодаря «Дон Кихоту», рано переведенному на французский язык. Более того, сама традиция заглавий рыцарских любовно-приключенческих романов и повестей с использованием топонимического имени, видимо, связана не столько с влиянием французской эпики и греческих житийно-авантюрных историй, но и с испанским влиянием (в том числе на французские и прочие европейские тексты). По-видимому, немалую роль в «испанизации» именно этого текста сыграло усиление благочестивой интонации рассказа. Реноме «гишпанцев» в Петровское время — это люди, верные католической вере, сильные воины, народ большой премудрости (чему способствовали в немалой степени также переводы исторических сочинений об Испании, трактатов Сааведры Фахардо, Льюля). С испанским менталитетом связываются дидактизм и морализаторство, и даже пугающие рассказы об инквизиции не умаляют славы и стойкости

⁴ Покровская очень убедительно доказывает, что одним из источников заимствований и стилистики для истории является «Житие Алексея, человека Божия» [10, с. 180–181].

гишпанцев в вере. Известна Испания и своей имперской историей, а также благочестивой репутацией своих монархов (см.: [4]). Однако «Гиштория о Бруне» — не просто весьма дидактична; ее, как мы видели, отличает и высокая степень жанровой эклектики, в данном случае любовно-авантюрного романа и элементов жития святых.

Однако есть и еще одно объяснение испанского происхождения героя, которое мне кажется весьма значимым и которое не встречалось мне в работах русистов. Для анонимного автора «Истории о Бруне» привязка к Испании оказалась средством оторвать известный сюжет от его традиционного источника (провансальского текста и любых его переложений) и придать ему характер новой истории. Известно, что почти всякий переводной этап, как правило, заканчивается периодом активных переработок, подражаний и созданием оригинальных произведений. До «Бруны» нам не встретилось, даже в упоминаниях, ни одного текста, который бы упоминал Испанию либо в качестве источника текста, либо языка-посредника, либо в качестве топонима при имени героя. А потому, если перед неизвестным русским автором стояла задача создать новый рассказ, то самый простой способ — взять старую историю, слегка трансформировать сюжет, изменить имена героев и, наконец, дать им новую топографическую принадлежность (так вместо Петра Прованского появляется Бруна Гишпанский). И здесь даже опосредованное знание об Испании как о стране многих рыцарских романов подошло как нельзя кстати.

Отсылка к Испании (в качестве родины героя и места действия) как способ утверждения новизны сюжета, а также подразумеваемого иностранного происхождения текста (что очевидно придавало ему авторитет в глазах читателей) появляется также в «гишториях» другого рода. Большая часть перечисленных в приведенном выше списке повестей с испанскими королевичами является даже не перделками, а оригинальными историями. По сути это подражания западным любовно-авантюрным повестям.

Таковым оказывается, например, «Декороний»⁵ («Гистория о гишпанском королевиче принце Дикарони и о французской принце-

⁵ Публикуемая рукопись (список Малышева) представляет собой тетрадь в 4-ку, на 48 л., написанную скорописью первой половины XVIII в. (1733 г.). М.В. Николаева сообщает о двух списках повести (список Барского и список Малышева), оба относятся к первой половине XVIII в. При этом оба списка не являются копиями одной и той же версии повести. Как пишет М.В. Николаева, «список Б воспроизводит особую версию повести о Декоронии. Но при этом он содержит гораздо больше, чем список М, противоречий и несогласованностей в сюжете, немотивированных эпизодов, вставок, искажений, пропусков, повторов» [9, с. 276].

се Елизавете»), написанная в «жанре сказочно-авантюрной повести» и основанная, как показала издатель и исследователь «гиштории» М.В. Николаева (см.: [9]), преимущественно на русских сказочных моделях (тип «сказки о невинно гонимых») и точно определимого источника не имеющая.

Испанская родословная героя здесь отсылает к мнимому иностранному источнику, тогда как на самом деле история принца Декорония (*decoronado* — лишенного короны) оказывается, на мой взгляд, вполне оригинальным текстом. С предыдущим текстом историю роднит предельная идеализация героя и некоторая избыточная морализация. М.В. Николаева отмечает, что «несмотря на примитивную форму, отвечавшую вкусам и уровню развития «массового» читателя, повесть эта своим внутренним смыслом смыкалась со всей русской литературой 30–50 гг. XVIII в., с ее пристальным вниманием к вопросам общественной и политической жизни: о характере высшей власти, об отношении между властителями и подданными, о морально-этических принципах властителей, о том, какими должны быть царь и его «министры» и каким они быть не должны» [9, с. 277].

Герой повести — невинно гонимый наследник престола, который преодолевает все преграды благодаря своему уму, благочестию и доброте. Сказочная основа рассказа лишена здесь волшебного колорита и обретает очевидную дидактическую направленность, хотя и остается узнаваемой в сюжетных ходах: борьба трех братьев-королевичей за власть; гонения на младшего брата и его оставление в чужой земле слугой; узнавание его принцессой; торжество младшего и счастливый конец. Основа сюжета — мотив о невинно гонимом, дополненный целым рядом иных фольклорных мотивов (раздел наследства умирающим отцом; антитеза хорошего младшего брата и злых старших). При этом, по замечанию М.В. Николаевой, фольклорно-сказочная основа истории о Декоронии оформлена и содержательно, и стилистически совершенно иначе, чем сказка [9, с. 278–279]. Действие истории происходит в Испании, Франции, Нормандии и Кастилии (две последние — части двух первых); реальное пространство вполне согласуется с реальными мотивировками происходящих событий и придает действиям и перемещениям героев еще более правдоподобный характер. Заметим, что истории такого рода распрей в борьбе за власть встречаются не только в сказках, но и в исторических хрониках, которые возможно могли послужить для автора истории о Декоронии еще одним косвенным источником). Для М.В. Николаевой реальное место действия и гово-

рящее имя героя — повод высказать предположение о переводном характере повести, хотя точный источник не найден. Рискнем предположить, что текст скорее создан как стилизация под истории такого рода, а Испания играет в нем ту же роль средства создания якобы нового переводного текста.

В 1887 г. А.Н. Пыпин опубликовал «Гисторию о гишпанском шляхтиче Долторне» (время создания — первая треть XVIII в.) (см.: [12]). История о жизни дворянина Долторна у разбойников и спасении им дочери испанского короля очевидных западных источников не имеет, но также выдается за «переводную». И снова основным способом создания текста становится активное использование хроникальных, сказочных (сказки о спасении царской дочери) и романских мотивов, находящих немало аналогов в русской фольклорной традиции. К таким мотивам относятся следующие:

- на острове разбойников героя выбирают атаманом;
- девица в плену у разбойников;
- герой уводит от разбойников девицу;
- коварный адмирал хитростью увозит королевну от героя, героя бросает в море;
- в убогом рубище герой прибывает в землю своей возлюбленной;
- узнавание королевной героя по арии/исполняемой им мелодии, которую знают только они двое⁶.

Надо отметить, что основному рассказу предшествует предыстория создания разбойничьего острова, где рассказывается о распре Португалии и Испании, желании Португалии выйти из-под власти Испании и описывается посольство португальцев к испанскому королю, требующих отменить дань и вернуть уже выплаченные деньги. Эта написанная в стиле исторического сочинения преамбула не имеет прямого отношения к рассказу о Долторне и королевне, но как бы мотивирует избранное пространство. Однако на наш взгляд, этот псевдоисторический экскурс как раз подтверждает общую тенденцию — либо упоминание нового места действия должно осовременить заимствованный сюжет, либо придать статус переводного оригинальному тексту, тем более, что ни одного предполо-

⁶ Формулировки мотивов взяты из работы Л.А. Курышевой (см.: [7]). Л.А. Курышева составила каталог самых частых и популярных мотивов сказочного, эпического и романного генезиса, выделяемых в русской рукописной повести XVIII в.

жения, а откуда собственно взят сюжет истории о Долторне, нам не встретилось (основная дискуссия касается отношений «Долторна» с «Повестью о Василии Кориотском»)⁷.

Сходное впечатление — подражание переводным образцам — производит и «Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии» (первая половина XVIII в.). Как утверждают ее публикаторы и исследователи:

Можно с определенностью утверждать, что «Повесть о гишпанском дворянине Карл и сестре его Софии» не является переводом, а представляет русскую разработку этого сюжета, разработку, подсказанную, по-видимому, некоторыми придворными событиями второй четверти XVIII века (см.: [2]).

Та же сюжетная эклектика, обилие фольклорно-сказочных мотивов и дидактические наставления характеризуют и этот текст. В основе истории лежит, по мнению исследователей, сказка о «верной жене».

Итак, подведем итоги. Как кажется, перед нами классический пример апроприации чужого образа в собственной культуре. На рубеже XVII–XVIII вв. и в первой половине XVIII в. растущие потребности массовой развлекательной литературы и ее европейская ориентация привели к необходимости увеличения количества сюжетов. Следствием этого стала обработка уже существовавших переводов (например, истории о Петре Прованском и прекрасной Магелоне в «Повести о Бруне») и создание собственных подражаний переводным повестям. Одним из способов, с одной стороны, «перепрописки» старого сюжета, придания ему новизны, а с другой — придачи авторитета переводного текста сюжету подражательному и самосочинённому, становится указание на испанскую родословную героев (Испания часто является и одним из основных мест действия в этих историях). Выбор страны-топонима объясняется, прежде всего, полным отсутствием испанских текстов и сюжетов в числе первых переводных текстов XVI–XVII вв. Позже, к середине XVIII в., на увеличение числа «гишторий об испанских королевичах» оказало

⁷ Г.Н. Моисеева очень убедительно показывает пересечение сюжетно-мотивной структуры «Повести о Василии Кориотском» с русскими народными сказками, оспаривая мнение Майкова и Пыпина о том, что главным источником второй части повести стала переводная «Гиштория о гишпанском шляхтиче Долторне». Кажется вполне логичным предположить, что и сама «переводная» история о Долторне за отсутствием явного источника может быть также создана в подражание переводным авантурным повестям с использованием русской сказочной мотивики (см.: [8]).

роль, по-видимому, и общее культурное знание об Испании как стране рыцарских, а позднее и плутовских романов (по цитируемому выше наблюдению Ю.М. Лотмана) — это знание было, конечно, обретено опосредованно, благодаря популярности «Дон Кихота»⁸ и больше применимо к текстам, созданным, начиная со второй трети XVIII в. Для первой же трети XVIII в. скорее важна идеологическая «репутация» Испании и полное отсутствие указаний на «испанское» в реестрах переведенных книг.

Литература

1. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, И.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2006. Т. 15: XVII век. 530 с.
2. Берков П.Н., Малышев В.И. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века («Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии») // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 9. С. 408–426.
3. Дмитриев Л.А., Лотман Ю.М. Новонайденная повесть XVIII в. «История о португальской королевне Анне и гишпанском королевиче Александре» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 16. С. 490–505.
4. Козлова А.А. Образ Испании в исторической и документальной русской прозе XV–XVIII вв. // Новый филологический вестник. 2015. № 4 (35). С. 164–172.
5. Копанев Н.А. Распространение иностранной книги в Петербурге в первой половине XVIII века: По материалам академических книготорговых каталогов // Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX века. Л.: БАН, 1983. С. 38–53.
6. Кузьмина В.Д. Рыцарский роман на Руси. М.: Наука, 1964. 355 с.
7. Курьшева Л.А. Сюжетно-мотивные комплексы русской рукописной литературы XVIII века // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск: Гео, 2012. С. 27–36.
8. Моисеева Г.Н. История о российском матросе Василии Кириацком (К вопросу о составе и происхождении повести) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 10. С. 358–388.
9. Николаева М.В. «История о гишпанском королевиче Декоронии» (первая половина XVIII в.) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 21. С. 275–296.
10. Покровская В.Ф. Повесть об испанском королевиче Вруне и его супруге Мелеонии (К истории переводной литературы XVII в.) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 4. С. 176–198.
11. Пытин А.Н. Для любителей книжной старины: Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности первой половины XVIII в. М.: О-во любителей рос. словесности, 1888. 74 с.

⁸ Известно, что уже в 30-е гг. XVIII в. в Петербурге во французских переводах продавались произведения Боккаччо, Сервантеса, Свифта, Дефо, Бальтасара Грациана [5, с. 49].

12. Из истории народной повести. Гистория о гишпанском шляхтиче Долторне, как вероятный источник повести о российском матросе Василии / текст по рукописям 18-го века и введение А.Н. Пыпина. СПб.: [Тип. Балашева], 1887. XII, 63 с.

13. *Сиповский В.В.* Из истории русского романа и повести. СПб.: Паровая скоропечатня Г.П. Пожарова, 1903. Ч. 1: XVIII век. 351 с.

14. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. 460 с.

15. *Сопиков В.С.* Опыт российской библиографии: или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках, от начала заведения типографий, до 1813 года, с предисловием, служащим введением в сию науку, совершенно новую в России, с историей о начале и успехах книгопечатания как в Европе вообще, так и особенно в России, с примечаниями о древних и новых редких книгах и их изданиях, и с краткими из оных выписками. СПб.: Тип. Имп. Театра, 1813. Ч. 1. 314 с.

16. *Сопиков В.С.* Опыт российской библиографии: или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках, от начала заведения типографий, до 1813 года, с предисловием, служащим введением в сию науку, совершенно новую в России, с историей о начале и успехах книгопечатания как в Европе вообще, так и особенно в России, с примечаниями о древних и новых редких книгах и их изданиях, и с краткими из оных выписками. СПб.: Тип. Имп. Театра, 1814. Ч. 2. 474 с.

Research Article

The Strange Appropriation: “Novels on Spanish Princes” in Russian Popular Literature of the End of 17th – First Half of 18th Centuries

© 2022. Irina V. Ershova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

Abstract: The article deals with the history of Russian manuscript tradition from the period since the end of the 17th – first half of the 18th century that is a version of the so-called European “popular literature.” These books were addressing mass audience interested in fictional literature, and contained secular and entertaining stories, mainly based on amorous adventures. Part of this Russian tradition was represented by translated novels, including the trend that might be aptly defined as “novels on Spanish princes.” This description is systematically used in the titles of corresponding texts, and that facts looks rather strange, considering almost total lack of knowledge of Spanish literature or language, or any contacts with Spain in the Russian culture of the time. Through the analysis of a number of these texts (“The Novel of Brun,” “The Story of Decoronij,” “The Story of Doltorn,” and several others), the author comes to a hypothetical explanation of the origin of this peculiar genre that becomes a specific appropriation of Spanishness in Russian literature.

Keywords: popular literature, Russian literature of 17th–18th centuries, novels of love and adventure, history of translation, appropriation.

Information about the author: Irina V. Ershova — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Head of the Laboratory of Historical and Literary Research, School for the Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadsky Ave. 82, 119571 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7319-2945>

E-mail: i.v.ershova@list.ru

For citation: Ershova, I.V. “The Strange Appropriation: ‘Novels on Spanish Princes’ in Russian Popular Literature of the End of 17th – First Half of 18th Centuries.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (26), 2022, pp. 123–139. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-26-123-139>

References

1. Likhachev, D.S., Dmitrieva, L.A., Ponyrko, N.V., editors. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi [Library of Old Russian Literature]*, vol. 15: XVII vek [17th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 530 p. (In Russ.)

2. Berkov, P.N., Malyshev, V.I. “Novonaidennoe belletristicheskoe proizvedenie pervoi poloviny XVIII veka (‘Povest’ o gishpanskom dvorianine Karle i sestre ego Sofii)’” [“A New-Found Work of Fiction from the First Half of the 18th Century (‘The Story of the Gishpani Nobleman Charles and his Sister Sophia’)”. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]*, vol. 9. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1953, pp. 408–426. (In Russ.)

3. Dmitriev, L.A., Lotman, Iu.M. “Novonaidennaia povest’ XVIII v. ‘Istoriia o portugal’skoi korolevne Anne i gishpanskom koroleviche Aleksandre’.” [“Newly Discovered 18th-Century Tale ‘The Story of the Portuguese Queen Anne and Prince Alexander of Hispania’.”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]*, vol. 16. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1960, pp. 490–505. (In Russ.)

4. Kozlova, A.A. “Obraz Ispanii v istoricheskoi i dokumental’noi russkoi proze XV–XVIII vv.” [“The Image of Spain in Documental and Historical Russian Prose of 15th–18th Centuries”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 4 (35), 2015, pp. 164–172. (In Russ.)

5. Kopanev, N.A. “Rasprostranenie inostrannoï knigi v Peterburge v pervoi polovine XVIII veka: Po materialam akademicheskikh knigotorgovykh katalogov” [“Distribution of Foreign Books in St. Petersburg in the First Half of the 18th Century: According to the Materials of Academic Booksellers’ Catalogues”]. *Russkie knigi i biblioteki v XVI – pervoi polovine XIX veka [Russian Books and Libraries in 16th – First Half of 19th Century]*. Leningrad, Library of the Russian Academy of Sciences Publ., 1983, pp. 38–53. (In Russ.)

6. Kuz’mina, V.D. *Rytsarskii roman na Rusi [The Chivalrous Novel in Russia]*. Moscow, Nauka Publ., 1964. 355 p. (In Russ.)

7. Kuryшева, L.A. “Siuzhetno-motivnye kompleksy russkoi rukopisnoi literatury XVIII veka” [“Plot-Motif Complexes of Russian Manuscript Literature of the 18th Century”].

Suzhetno-motivnye komplekсы russkoi literatury [*Plot-Motif Complexes of Russian Literature*]. Novosibirsk, Geo Publ., 2012, pp. 27–36. (In Russ.)

8. Moiseeva, G.N. “Gistoriia o rossiiskom matrose Vasiliu Kiriatskom (K voprosu o sostave i proiskhozhdenii povesti)” [“The Story of the Russian Sailor Vasily Kiryatsky (On the Composition and Origin of the Story)”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*], vol. 10. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1954, pp. 358–388. (In Russ.)

9. Nikolaeva, M.B. “Gistoriia o gishpanskom koroleviche Dekoronii’ (pervaia polovina XVIII v.)” [“Story about Gishpanish Prince Dekoronii’ (First Half of the 18th Century)”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*], vol. 21. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, pp. 275–296. (In Russ.)

10. Pokrovskaiia, V.F. “Povest’ ob ispanskom koroleviche Vrune i ego supruge Meleonii (K istorii perevodnoi literatury XVII v.)” [“The Tale of the Spanish Prince Vroun and his Wife Meleonia (To the History of the Translated Literature of the 17th Century)”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*], vol. IV. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1940, pp. 176–198. (In Russ.)

11. Pypin, A.N. *Dlia liubitelei knizhnoi stariny: Bibliograficheskii spisok rukopisnykh romanov, povestei, skazok, poem i prochaia, v osobennosti pervoi poloviny XVIII v.* [*For Lovers of Book Antiquity: Bibliographical List of Handwritten Novels, Stories, Fairy Tales, Poems etc., Especially of the First Half of the 18th Century*]. Moscow, Obshchestvo Liubitelei Rossiiskoi Slovesnosti Publ., 1888. 74 p. (In Russ.)

12. *Iz istorii narodnoi povesti. Gistoriia o gishpanskom shliakhtiche Doltorne, kak veroiatnyi istochnik povesti o rossiiskom matrose Vasiliu* [*From the History of the Folk Novel. Story about the Spanish Nobleman Doltorn as a Possible Source of the Tale of the Russian Sailor Vasily*], text based on manuscripts of the 18th century and introd. by A.N. Pypin. St. Petersburg, [Balashev Publ.], 1887. XII, 63 p. (In Russ.)

13. Sipovskii, V.V. *Iz istorii russkogo romana i povesti* [*From the History of the Russian Novel and Story*], part 1: XVIII vek [18th Century]. St. Petersburg, Parovaia skoropechatnia G.P. Pozharova, 1903. 351 p. (In Russ.)

14. Sobolevskii, A.I. *Perevodnaia literatura Moskovskoi Rusi XIV–XVII vekov. Bibliograficheskie materialy* [*Translated Literature of Moscow Rus in 14th–17th Centuries. Bibliographic Materials*]. St. Petersburg, Imperatorskaia Academia Nauk Publ., 1903. 460 p. (In Russ.)

15. Sopikov, V.S. *Opyt rossiiskoi bibliografii: ili polnyi slovar’ sochinenii i perevodov, napechatannykh na slavenskom i rossiiskom iazykakh, ot nachala zavedeniia tipografii, do 1813 goda, s predislaviiem, sluzhashchim vvedeniem v siiu nauku, sovershenno novuiu v Rossii, s istoriei o nachale i uspekakh knigopechataniiia kak v Evrope voobshche, tak i osobenno v Rossii, s primechaniiami o drevnikh i novykh redkikh knigakh i ikh izdaniiaakh, i s kratkimi iz onykh vypiskami* [*Experience of Russian Bibliography: or Complete Dictionary of Works and Translations Printed in Slavonic and Russian languages, from the Beginning of the Establishment of Printing Houses to 1813, with a Preface, which Serves as an Introduction to this Science, Entirely New in Russia, with a History of the Beginning and Successes of Book Printing in Europe in General and Especially in Russia, with Notes on Ancient and New Rare Books and their Editions, and with Brief Extracts from Them*], part 1. St. Petersburg, Tipografia Imperatorskogo Theatra Publ., 1813. 314 p. (In Russ.)

16. Sopikov, V.S. *Opyt rossiiskoi bibliografii: ili polnyi slovar' sochinenii i perevodov, napechatannykh na slavenskom i rossiiskom iazykakh, ot nachala zavedeniia tipografii, do 1813 goda, s predisloviem, sluzhashchim vvedeniem v siiu nauku, sovershenno novuiu v Rossii, s istoriei o nachale i uspekhakh knigopечатaniia kak v Evrope voobshche, tak i osobenno v Rossii, s primechaniiami o drevnikh i novykh redkikh knigakh i ikh izdaniiax, i s kratkimi iz onykh vypiskami* [Experience of Russian Bibliography: or Complete Dictionary of Works and Translations Printed in Slavonic and Russian languages, from the Beginning of the Establishment of Printing Houses to 1813, with a Preface, which Serves as an Introduction to this Science, Entirely New in Russia, with a History of the Beginning and Successes of Book Printing in Europe in General and Especially in Russia, with Notes on Ancient and New Rare Books and their Editions, and with Brief Extracts from Them], part 2. St. Petersburg, Tipografia Imperatorskogo Theatra Publ., 1814. 474 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 17.08.2022

Одобрена после рецензирования: 29.09.2022

Дата публикации: 25.12.2022

The article was submitted: 17.08.2022

Approved after reviewing: 29.09.2022

Date of publication: 25.12.2022